

Глубокоуважаемый Николай Николаевич!

Поскольку статья (не считая библиографии) и так раздулась до полутора печатных листов, я скрепя сердце решил отказаться от краткого очерка о Харьковском коллегиуме (духовные школы во многом похожи друг на друга, и потому потеря досадна, но не принципиальна; библиография отчасти восполнит этот промах). Последняя сделана по алфавитному принципу; можно применить и любой другой; равным образом я не могу возражать и против сокращений, хотя и так, кажется, сжал до предельной плотности; интеллектуальное содержание статьи проявляется в ее структуре и меньше всего — в рассуждениях (которые тоже в минимальном объеме все же нужны). По-видимому, если придется уменьшать объем, лучше выкинуть какое-нибудь учебное заведение целиком, хотя какое, я не знаю; жанр портрета-миниатюры имеет свои естественные пределы. Можно (правда, большой экономии это не даст) убрать абзац об источниках русской образовательной традиции. Казанскую гимназию я не стал рассматривать отдельно; две строки о ней — в рамках миниатюры о Московском университете. Сведений об авторах, читаемых в академиях, в работах Чистовича и Смирнова практически нет.

Статью о Риме в XVIII в. пришлю, как только смогу сжать материал в достаточной степени; это будет где-то через неделю.

Искренне Ваш Алексей Любжин

18.6.2001

КРАТКИЙ ОЧЕРК ИСТОРИИ РОССИЙСКОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ В XVIII СТОЛЕТИИ

А.И.Любжин

Отдел редких книг и рукописей
Научная библиотека МГУ им. М.В.Ломоносова

XVIII век занимает промежуточное положение между эпохами создания первых высших школ и Министерства народного просвещения и, следовательно, единой, хотя и не всеохватной образовательной системы. Потому при рассмотрении истории просвещения в эту эпоху необходимо учитывать многообразие и пестроту его компонентов, каждый из которых заслуживает внимания отдельно: 1) общегражданское образование — гимназия Глюка (1703), Императорская Академия Наук с Академическим университетом (1724) и Императорский Московский университет (1755), академические гимназии при них — петербургская (1724), московская (1755) и казанская (1758), Вольный благородный пансион в Москве (1778), а также народные училища (1786); Воспитательные дома в Москве (1764) и в Петербурге (1770), Коммерческое училище в Москве на средства П. А. Демидова (1772); с опозданием примерно на полстолетия появляется и женское образование (Институт благородных девиц в Санкт-Петербургском Воскресенском (Смольном) Новодевичьем монастыре, 1764; 2) военные учебные заведения — Школа математических и навигацких наук (1701), цифирные школы (1714), Морская академия в Петербурге (1715), артиллерийские и инженерные школы (школа при артиллерийском полку под началом генерал-майора Гинтера; Инженерная школа в Москве (1712 — М. Лалаев; 1711 — В. О. Ключевский); с 1719 — Инженерная школа в Петербурге, в 1723 г. к ней присоединяется московская) — с 1762 Артиллерийский и Инженерный Шляхетный Кадетский корпус, с 1800 г. 2-й Кадетский), Сухопутный шляхетский корпус в Петербурге (1731, с 1800 г. 1-й Кадетский), гарнизонные школы (1732), к которым присоединяются цифирные (1744); 3) духовные школы — в начале столетия две Академии, в Киеве и Москве, впоследствии в силу Духовного регламента (1721) была создана сеть семинарий, из которых в числе лучших был Харьковский Коллегиум (1722 — Белгород, 1726 — Харьков; 4) игравшее значительную роль домашнее воспитание, с переходными формами в виде частного пансиона (иногда на очень небольшое количество детей) и 5) заграничное образование. Эти формы так до конца и не сложились в единую систему, хотя еще В. Н. Татищев предлагал создать ведомство, которому были бы подчинены все образовательные учреждения Империи. Датировки в источниках и научных трудах могут даваться с расхождениями; как правило, это обусловлено тем, что между правительственным актом и его исполнением проходит определенное время; так, привилегия Славяно-Греко-Латинской академии была подписана царем Федором еще в 1682 г.; ее основатели братья Лихуды прибыли в 1685 г. и вскоре после этого начали преподавание; но академический корпус был завершен лишь в 1687 г., и сейчас эта дата чаще всего приводится как дата начала работы Академии; Императорская Академия Наук была задумана Петром I незадолго до смерти, Проект положения об учреждении Академии наук и художеств был одобрен Сенатом 22.1.1724 г.; однако академики прибыли в столицу уже после смерти Императора, и первое торжественное заседание состоялось 27.12.1725 г.; открытие Шляхетского корпуса было осуществлено лишь 17.2.1732 г. Постоянным источником как учеников, так и преподавателей для всех видов школ, кроме военных, служило духовное сословие со своими училищами: отсюда набирались студенты гимназий, университетов, педагогических семинарий; духовенство вынесло на своих плечах

тяжелейшую реформу 1786 г. с фактическим крепостным правом для учителей народных училищ.

Русская образовательная практика основывалась на нескольких компонентах: 1) национальной традиции, отводящей первостепенную роль духовному сословию и строящей обучение грамоте на Часослове и Псалтыри; она затрагивала в основном элементарное обучение; 2) традиции западных католических коллегиумов, прежде всего польско-иезуитских, по образцу которых был создан Киево-Могилянский коллегиум (с 1701 г. Академия) — первое (фактом военного захвата, а не основания) высшее учебное заведение России, наложившее неизгладимый отпечаток на всю русскую духовную школу; 3) традиции западного университетского, военного и школьного образования и педагогической мысли, прежде всего германских и австрийских образцов, сказавшихся на подавляющем большинстве общегражданских и военных учебных заведений; 4) западной философской мысли, прежде всего английской (Локк), под влиянием которой осуществлялось преобразование существующих учебных заведений и создание новых при Екатерине II; 5) западных культурных влияний, в первой трети столетия преимущественно голландских и немецких, впоследствии французских, оказавших колоссальное воздействие на домашнее воспитание и частные пансионы.

I. *Общегражданское образование.* 1) *Гимназия пастора Глюка.* В 1702 г. при взятии Мариенбурга попал в плен и оказался в Москве саксонец Эрнст Глюк, чьей служанкой была Марта Скавронская — будущая Екатерина I. Он получил широкое образование, был знатоком не только нескольких новых и древних, но и латышского и русского языков. Вскоре ему поручили открыть гимназию, для которой выделили здание на Покровке, во дворце боярина В. Н. Нарышкина; штат состоял из 7 учителей, на содержание назначено было 3 тыс. р. В Указе от 25.2.1705 г. говорилось: школа открывается для обучения детей «всякого служилого и купецкого чина... которые своею охотою приходят и в ту школу записываться станут». В программу входили география, ифика, политика, латинская риторика, философия деятельная и картезианская, французский, немецкий, латинский, греческий, еврейский, сирийский и халдейский языки, танцевальное искусство и поступь немецких и французских учтивств, конная езда и берейторское обучение лошадей. Некоторые ученики были на собственном содержании, большинство же поступало в «кормовые ученики», на казенный кошт. Руководитель гимназии сочинил на русском языке краткую географию, русскую грамматику, лютеранский катехизис, молитвенник, составил славяно-латино-греческий словарь, перевел учебные книги Я. А. Коменского «Преддверие», «Открытая дверь языков», «Мир чувственных вещей в картинках». Учителями в школе были в основном приглашенные иностранцы, в 1706 г. их было 10. Скептически отзываясь об Э. Глюке Х. Манштейн: «Человек этот, обладавший познаниями и сведениями в такой только мере, как любой деревенский священник, сумел однако же прослыть за гениальную личность, потому что знал основательно русский язык... Глюк вызвал несколько студентов богословия лютеранского вероисповедания и при обучении в своей школе следовал во всем правилам шведской церкви, а для того чтобы нисколько не уклониться от них, перевел даже несколько лютеранских гимнов весьма плохими русскими стихами...». Желавших учиться было немного — в 1706 г. всего 40 человек. После смерти Э. Глюка в мае 1705 г. гимназия была отдана под надзор магистру философии И. В. Баузе (Паусу); она влачила жалкое существование, некоторые из ее учеников перешли в Славяно-Греко-Латинскую академию, другие переведены в Петербург или отправлены завершать учение за границу. Вскоре она прекратила свое существование; в 1715 г. последние ее учителя были переведены в Петербург. 2) *Академический университет.* По плану Петра I, одно учреждение «с малыми убытками, тое же бы с великою пользою чинило, что в других государствах три разные собрания чинят». В Академическом университете должны были преподавать академики; в 1726 г. было выписано 8 студентов из Германии, содержавшихся за счет

казны; некоторые из них сделались впоследствии известными учеными (Г. Ф. Миллер, Г. В. Крафт, А. Б. Крамер, И. Г. Гмелин). Профессора и адъюнкты ходили на лекции друг к другу, чтобы увеличить число слушателей. В 1747 г. в связи с созданием Регламента Академии были назначены пять профессоров специально для университета; он предполагал 12 кафедр и 30 студентов. В 1748 г. В. К. Тредьяковскому было поручено набрать в ученики семинаристов из Новгорода, Петербурга и Москвы. Шесть академиков назначены для чтения лекций; Г. Н. Теплов составил проект Устава университета, утвержденный Президентом академии 10.8.1750 г. Ни эти меры, ни усилия Ломоносова не привели к процветанию университета. Последний пытался поправить дело с помощью дарования учащимся привилегий и прав; смерть Императрицы Елизаветы помешала ему добиться этого. Он признавался с горечью: «При Академии Наук не только настоящего университета не бывало, но еще ни образа, ни подобия университетского не видно». Бумажное существование этого высшего учебного заведения, лишённого подготовленных студентов, видно и по словам Президента академии Разумовского (1757 г.): «От давнего уже времени ни один профессор в университете лекций не читает, и академические студенты находятся без всякого учения». Через сорок лет, как и при основании, в университете было 9 студентов. Иногда их бывало еще меньше: в 1782 г. — двое, в 1783 — столько же, причем оба не могли даже переводить с немецкого. На студентах сказывалась грубость нравов того времени: их секли розгами, сдавали в матросы, иногда переводили в гимназию с правом слушать лекции (жалованье гимназистов было меньше). Более успешными были private занятия академиков с учениками, иногда на дому; таким образом те готовили себе помощников, из которых вырастали достойные ученые. Призрачное существование университета прервалось в 1805 г., когда, в связи с общей реформой системы образования, его решили упразднить. *Академическая гимназия*. Для устройства гимназии и управления ею был приглашен из Пруссии проректор Кенигсбергской кафедральной школы профессор древностей Ф. З. Байер, ориенталист, знаток китайской литературы. Контракт с Академией предоставлял инспектору самые широкие полномочия; он устанавливал лишь время учения — от 9 до 11 ч. и от 14 до 16 ч. Байер разделил гимназию на две школы: немецкую, или пригготовительную, подразделенную на три класса, и латинскую (два класса). Предполагалось, что посещать гимназию можно как для прохождения всего курса, так и для изучения отдельных предметов (прежде всего иностранных языков). В 1726 г. в гимназию было принято 112 учеников, среди них дети из знатных фамилий (Голицын, Бутурлин). Сильный удар по преподаванию нанес отъезд двора Петра II в Москву, куда устремились прежде всего знатные ученики. Поступление сокращалось: 58 учеников в 1727 г., 26 в 1728-м. В 1729 г. это число было резко повышено (до 74 учеников) за счет выходцев из низших сословий, как правило, не кончавших курса; уже на следующий год цифра вновь поступивших упала до 14. Учреждение Шляхетского корпуса нанесло гимназии непоправимый удар; она не давала — в отличие от последнего — чинов и прав по службе. Дальнейшая история гимназии полна неудачных попыток поставить ее на ноги. По ходатайству президента Академии бар. И. А. Корфа в 1735 г. Сенатом было выделено 3000 р. на содержание учеников; 20 студентов затребовали из Московской академии; просили представить их и из других семинарий. Эта мера дала только 12 учеников из Москвы. При следующих ректорах — И. Э. Фишере и М. Шванвице (1735/36 и 1736–1738) число учеников упало до 28, причем и из них многие не ходили в классы, в 1737 г. — до 17 учеников. Очевидное разрушение гимназии вызвало создание академической комиссии из акад. Х. Гольдбаха и профессоров Ф. З. Байера, Л. Эйлера и Г. В. Крафта. Записка Фишера, поданная в комиссию, так характеризует общественные запросы, с которыми педагог столкнулся в России: «Здесь напирал главным образом на практичность, в особенности на науки математические, полезные для страны в военное и мирное время. Поэтому при учреждении гимназии в России нужно в особенности сообразоваться с этими взглядами». В 1738 г. после смерти

Байера инспектором был назначен Крафт. По проекту его устава гимназия была разделена на 6 классов, три низших, русских, и 3 высших, латинских, где должен был преподаваться и греческий язык; кроме ректора и инспектора, предполагались должности конректора и проректора. Только в 1739 г. в программу вошел Закон Божий. По Штату 1747 г. гимназии было положено 5 учителей (чтения и письма, арифметики и геометрии, латинского, немецкого языков и рисовальный); предполагалось иметь 20 казенных стипендиатов; преподавание должно было вестись на русском языке (это требование оказалось неисполнимым за отсутствием подготовленных русских учителей). Среди руководителей гимназии впоследствии мы сталкиваемся с такими крупными фигурами, как С. П. Крашенинников (1750–1755), Н. Н. Поповский (1753 г.) и М. В. Ломоносов (с 1758 г.). Ломоносов завел пансион на 40 (впоследствии 60) учеников и заменил нижние немецкие классы русскими. Ему приходилось, как и предшественникам, разрешать административные вопросы с учителями из недоучившихся студентов, пропускавшими занятия от «пьянства и гуляния». Попытки заполнить ученические и преподавательские вакансии не давали особого успеха; так, в августе 1764 г. из 13 учеников низшего класса было переведено в средний только 3. Ломоносову удалось добиться ухода противника его демократических идей, инспектора гимназии профессора К. Ф. Модераха, и заменить его С. К. Котельниковым, применявшим традиционные меры строгости. Сам Ломоносов считал, что привел гимназию в порядок; академическая конференция смотрела на дело иначе: «ученики принимаемы были более для скорейшего наполнения числа, не рассматривая при том их лет, состояния и способности к наукам, и набираемы были из самой подлости, почему не имели доброго воспитания, а в общежитии о поправлении сего недостатка никакого попечения не приложено...». После смерти Ломоносова, в 1765 г., при гимназии было создано малолетнее отделение по системе Бецкого; открыт пансион, порученный классным дамам. 23.10.1767 произошло чрезвычайное происшествие: ученики подожгли гимназическое здание. В 1777 г. был составлен комитет из академиков для исправления гимназии. Кн. Дашковой, руководившей Академией в 1783–1796 гг., удалось улучшить материальную, но не учебную часть заведения. Академическая гимназия умерла естественной смертью в 1805 г. вместе с Академическим университетом, принеся, однако, ту пользу, что из ее стен вышло несколько весьма крупных фигур в истории России XVIII столетия. 3) *Императорский Московский университет и его академические гимназии*. Знамениты слова Ломоносова в письме к Шувалову: «При Университете необходимо должна быть гимназия, без которой Университет, как пашня без семян». В общественном сознании гимназии не отделялись от университета: В. А. Нащокин в своих «Записках» фиксирует: «Сын мой меньший Иван, от рождения своего имея 8 лет, отправлен из С.-Петербурга в новоучрежденный университет»; о том же свидетельствует Фонвизин в «Чистосердечном признании». Университет состоял из трех факультетов — юридического, медицинского и философского (в отличие от образцов протестантских стран, в нем не было богословского факультета); кураторами были назначены И. И. Шувалов и Л. Л. Блюментрост; в 1760 г. к ним добавился Ф. П. Веселовский. Директором был назначен — А. М. Аргамаков; вскоре (1757 г.) его на этом посту сменил И. И. Мелиссино. Среди начальников университета (директор в 1763–1770 гг., куратор с 1778 г.) крупнейшей фигурой был поэт М. М. Херасков. Штат состоял из 10 профессоров и был укомплектован частично за счет приглашенных из Германии специалистов (И. М. Шаден, Ф. Г. Дильтей, И. И. Ю. Рост и др.), частично — за счет русских профессоров из Петербурга (Н. Н. Поповский, А. А. Барсов); при университете были заведены газета «Московские ведомости» и типография. 21.7.1758 г. как филиал университета учреждена гимназия в Казани на тех же правах, что и московские; в 1788 г. она была закрыта «за недостатком средств» и возобновлена при Павле, в 1797 г., с подробным преподаванием военных и математических наук. Крупнейшие фигуры среди ее выпускников XVIII — начала XIX вв. — Г. Р. Державин

и С. Т. Аксаков. Первыми студентами университета были выпускники духовных семинарий; лишь в 1759 г., из-за высокой требовательности Шадена, он получил студентов из числа собственных гимназистов. Вообще первых было немного: в 1760 г. 30, в 1787 — 82. С университетом тесно связана деятельность Н. И. Новикова и московских масонских кругов, основавших Педагогическую семинарию (1779) и Собрание университетских питомцев (1781) и развернувших широкую книгоиздательскую и просветительскую деятельность, пока московских масонов не постигла катастрофа 1792 г. Проект регламента для *гимназий* был написан Ломоносовым. Первым ректором стал тюбингенец И. М. Шаден, последователь Лейбница и Вольфа, исполнявший эту должность в течение двадцати лет; 6.11.1756 г. университетская конференция поручила ему представить план обучения в гимназиях, что и было исполнено 9 числа. Свое образование Шаден строил на философии, которую он почитал важнейшим предметом для благородного юношества, и древних языках; разночинцы изучали в основном последние и математику. Шаден был противником модных в то время взглядов на воспитание Руссо и Базедова и противопоставлял их космополитизму патриотическое сознание долга перед Отечеством: «Если воспитание... целиком заключается в том, чтобы пытаться сформировать у юношества филантропию, то есть некую любовь ко всему человечеству, то, хотя такое намерение и похвально, но, противореча законам природы и не соответствуя нынешнему состоянию человечества, оно далеко от того, чтобы приносить пользу обществу». Человек связан с тремя различными сферами, которые должны быть отражены в его образовании: природной, человеческой и Божественной. Им соответствуют три ряда дисциплин: для первой важны естественная история, анатомия, общая и экспериментальная физика, а также экономика (наука о полезных природных продуктах). Душа ее — математика. Сфера общественная представлена правом: естественным, общим публичным, (между)народным, божественная — богословием; они, вместе с философией, не могут существовать без истории с хронологией. Ни одну из этих дисциплин не следует давать свыше необходимого, преподавание можно и должно ввести в разумные рамки. В программе 1757 г. Шаден предлагал преподавание еврейского и халдейского языков; программа следующего года их не содержит, и можно предположить, что идея эта не нашла отклика. Впрочем, иногда в Объявлениях и программах встречается татарский язык; после 80-х гг., когда мы можем подробнее проследить ход учения, он исчезает. Вторым лицом был инспектор гимназии; он также должен был назначаться из профессоров, и предпочтительно из русских, для лучшего общения с учениками; эту должность занимали то Дильтей, то Поповский, то Фроманн; Поповский весьма тяготился этими обязанностями, отвлекаящими его от литературных трудов. В должностные обязанности инспектора преподавание не входило. Гимназии были разделены на четыре школы (Российскую, Латинскую, первых оснований математики и наук и знатнейших европейских языков, т. е. немецкого и французского). В каждой школе было по три класса, кроме последней, разделенной на два. В первую половину дня в основном преподавались древние и современные языки, во вторую — математика и изящные искусства. Первоначально при гимназии был отдельный класс для художников, рассчитанный на 24 ученика; в 1757 г. он был переведен в Петербург, став ядром основанной указом от 6 ноября Академии художеств. Занятия по основным предметам проходили в понедельник, вторник, четверг и пятницу; среда и суббота отдавались высшим предметам. Постепенно — от ежедневного до двух раз в неделю — сокращалось преподавание Катехизиса. Существовали значительные вольности: можно было выбирать преподавателей и (вопреки мнению Ломоносова) переходить в старшие классы по некоторым предметам, не сдав прочие. Дворяне и разночинцы питались отдельно и носили (до Павла) разные мундиры. Учебный год венчали торжественные собрания, на которых присутствовали университетские профессора и видные представители московской аристократии. Произносились речи на русском и латинском

языках (сочиняли их профессора, гимназисты выучивали наизусть), успевшим в науках вручались награды. Вторым ректором гимназий стал знаменитый эллинист Х. Ф. Маттеи. Однако в период его ректорства важная роль выпала на долю инспектора И. Г. Шварцу, устранившему злоупотребления начального периода и гуманизовавшего методу преподавания. Сам он взял на себя преподавание немецкой стилистики. Из гимназических ректоров позднейшего периода следует отметить И. В. Л. Мелльманна, широко образованного ученого, чья карьера в России сложилась трагически. О положении дел в гимназии любопытные подробности сохранил князь Ф. Н. Голицын, бывший куратором Университета в 1796–1803 гг.: «Я не могу довольно похвалить и всю честь приписываю как управляющим, так и наставникам... Но паче всего мне полюбилось и достойно всякой похвалы, что воспитание юношей было препоручено двум, как называли тогда, эфорам. Они, по своему попечению и в исправлении своей должности, были образцовые люди и каких редко найти можно. От такого порядка и усердия питомцы себя вели так хорошо, что никогда не было слышно ни шалостей, ни шуму, и редко когда которой из них был наказан». После реформ 1804 г. гимназия стала ненужной; однако товарищ министра М. Н. Муравьев, сам ее выпускник, сумел отстоять ее и сделать ее рассадником ученых чиновников для министерства; она погибла в пожаре 1812 г., после чего решено было ее не восстанавливать (о чем жалели многие профессора и просвещенная московская публика). Среди ее видных учеников, кроме уже упомянутых, Н. И. Новиков и Г. А. Потемкин (уволены в один день «за леность и нехождение в классы»), крупные дипломаты Я. И. Булгаков и А. Морков, А. Ф. Мерзляков и другие профессора Московского университета. 4) *Благородный пансион при Московском университете*. Академические гимназии при Московском университете не могли удовлетворить всех желающих получить образование; этому факту обязано своим существованием учебное заведение, где учились такие выдающиеся деятели на самых различных поприщах государственной службы, науки и словесности, как А. П. Ермолов, В. А. Жуковский, С. П. Шевырев, М. Ю. Лермонтов, Д. А. Милютин. О дате его основания единого мнения нет: С. П. Шевырев приводит в качестве таковой объявления «Московских ведомостей»: № 100 за 15.12.1778 и № 2 за 5.1.1779; за эту же дату выступает мемуарист Н. В. Сушков и автор «Обозрения Москвы» А. Ф. Малиновский. Н. С. Тихонравов и Э. Е. Шишкова предлагают более раннюю дату: 1776 г., аргументируя это существованием учебного заведения *de facto* уже до 1779 г. (данные пансионских документов противоречивы и называют то одну, то другую). Пансион просуществовал до 1830 г., когда по распоряжению Николая I был преобразован в Дворянскую гимназию; мы же ограничимся его описанием в XVIII столетии. Первый период деятельности пансиона связан с И. А. Геймом, прекрасным ученым и преподавателем, знатоком языков, географии и статистики, впоследствии двенадцать лет находившимся на посту ректора Университета. Благородный пансион жил по его законам, его питомцы подвергались тем же взысканиям и получали те же награды за успехи; начальство умело возбудить в молодых дворянах честолюбивую ревность к занятиям. Об одном из учеников Пансиона, Д. И. Вельяшове-Волынцове, И. Снегирев вспоминает: «Покойный Дмитрий Иванович говаривал: „я не радовался столько, получив Полковничий чин, сколько тогда, когда подарена была мне первая книга за прилежание“. — Однажды, когда он отличился при испытании, в присутствии Ангальт-Нассавского принца — сей герой, восхищенный его ответами из класса Богословии и Математики, сам просил почтенного Куратора Мелиссино удостоить Вельяшева награды золотою медалью. Дмитрий Иванович, вместо одной, получил две медали. Все это происходило в глазах его отца, от радости плакавшего. Сей заслуженный Генерал подошел к Принцу, хотел его благодарить; однако не мог ничего сказать, кроме слов: „ето мой сын!“». Растроганный герой понял его чувства и молча пожал ему руку». Второй период деятельности Пансиона и его славная репутация репутация связаны прежде всего с деятельностью выдающегося педагога Антона Антоновича Прокоповича-Антонского, преподававшего естественную историю в

пансионе с 1787 г. и ставшего его инспектором и бессменным руководителем в 1791-м — вплоть до 1824 года. Педагогические взгляды А. А. Прокоповича-Антонского изложены в его работе «О воспитании»: «Первым правилом воспитатель должен поставить себе то, чтобы заблаговременно исследовать способности воспитанника... и сообразно силам и дарованиям молодого человека размерять труды об нем и старания... Внутренняя склонность всегда готова раскрыться в нас; надобно токмо удачно тронуть ее». В нагрузке на ум и на память следует придерживаться разумной середины. Важнейшая тренировка памяти — изучение языков. Ум обогащается прежде всего историей. Но, кроме рассудка и памяти, есть еще и воображение, и развивать нужно и его: «История натуры для детей гораздо полезнее, нежели как обыкновенно думают... Молодые люди то скорее понимают, что ближе к чувствам и более действует на воображение». Из искусств — в согласии с античными воззрениями — полезнейшим для воспитания души оказывается музыка. Ни гипертрофия публичного воспитания (Спарта), ни домашнего (Рим) не полезны. Также бесполезны путешествия. Идеальным типом воспитания Антонскому представляются Афины — золотая середина, отбрасывающая крайности. Педагог-практик оказался на высоте своих взглядов: «всегда бодрый и деятельный, всегда строгий и добрый, неизменный в лице и привычках, знавший всему меру, воздержанием умевший как будто остановить свою старость, всегда готовый ободрять без лести и притворства, всегда чуждый охладительного слова, вовсе невинный в современном искусстве искания популярности» (С. П. Шевырев). Большое внимание уделялось литературным занятиям: для сочинений и переводов воспитанников пансиона был широко открыт московский журнал, сменивший за период 1791–1807 гг. пять названий: «Чтение для вкуса, разума и чувствований», «Приятное и полезное препровождение времени», «Иппокрена, или утехи любословия», «Новости русской литературы», «Минерва», не говоря уже об альманахах: «Распускающийся цветок» 1787 года, «Полезное упражнение юношества» 1789-го, «Утренняя заря» 1800, 1803, 1805–1808, «Чертеж науки и искусства» 1804, «Каллиопа» 1815–1817 и 1820 годов. Литературное мастерство оттачивалось и в Собрании воспитанников, первым председателем которого стал Жуковский. Антонский постоянно бывал на заседаниях Общества; он приглашал для участия в них видных писателей: И. И. Дмитриева, Н. М. Карамзина. 5) *Институт Благородных девиц в Смольном монастыре* был создан по проекту И. И. Бецкого (Устав подписан 5.5.1764 г.) и, просуществовав 153 года, был закрыт в 1917 г. Общий курс был рассчитан на 12 лет, разделенных на четыре возраста: I. Возраст от 6 до 9 лет: 1) Исполнение закона и катехизм; 2) Все части воспитания и благонравия; 3) Российский и 4) Иностранный языки; 5) Арифметика; 6) Рисование; 7) Танцевание; 8) Музыка вокальная и инструментальная; 9) Шитье и вязание всякого рода. II. Возраст от 9 до 12 лет: 1) География; 2) История; 3) Некоторая часть экономии, или домостроительства. III. Возраст от 12 до 15 лет: Продолжение всего прежнего, а также: 1) Словесные науки, к коим принадлежит чтение исторических и нравоучительных книг; 2) Часть архитектуры и геральдики; 3) Зачинают действительно вступать в экономию по очереди. IV. Возраст от 15 до 18 лет: 1) Знание совершенное закона; 2) Все правила доброго воспитания, благонравия, светского обхождения и учтивости; 3) Повторение всего прежнего, в чем совершенного знания еще не имеют; 4) Во все части экономии действительно вступают по очереди». Программа преследовала цель образовать прилежную хозяйку и мать семейства, могущую отдать распоряжения прислуге, принять гостей и помочь в занятиях детям, и не имела энциклопедического характера, отличавшего образование юношей; главными были не науки, а добродетели: «повиновение начальствующим, взаимная учтивость, кротость, воздержание, равенственное в благоденствии поведение, чистое, к добру склонное и простодушное сердце». Уже на следующий год при Институте было создано «училище для мещанских девиц», с курсом, куда входили русский язык и один иностранный, а также арифметика, танцы, музыка, домашнее хозяйство и рукоделие. В 1783 г. Комиссия об

учреждении училищ предписала улучшить преподавание русского языка в Институте и сделать его языком преподавания для всех предметов. После смерти Екатерины II Институт поступил под управление Императрицы Марии Федоровны; был усилен его замкнутый, аристократический характер. б) *Народные училища*. Проблему отсутствия массовой школы наиболее прозорливые представители правящего слоя осознавали вполне уже с середины XVIII столетия. Всесильный фаворит Императрицы Елизаветы Петровны И. И. Шувалов выдвинул проект создания сети гимназий. По его замыслу, это должны были быть учебные заведения для дворян, отстававших в своем образовании от духовного сословия. Однако важно было положить начало — развитие последовало бы в силу логики вещей. Но планам Шувалова не суждено было осуществиться из-за ранней смерти Елизаветы. Екатерина II далеко не сразу пришла к выводу о необходимости создания сети средних учебных заведений. «Учреждение об управлении губерний» предписывает: «В каждом наместничестве или губернии учреждается по одному приказу общественного призрения» — этому органу поручался контроль над создаваемой школой: «380. Приказу общественного призрения поручается попечение и надзирание о установлении и прочном основании 1. народных школ, 2. установление и надзирание сиротских домов... 384. В рассуждении народных школ, приказ общественного призрения долг имеет стараться, чтоб оные были установлены во 1. по всем городам, а по том в тех многолюдных селениях, кои подсудны верхней расправе, для всех тех, кои добровольно пожелают обучаться в оных... 2. чтоб неимущие могли учиться без платежа, а имущие за умеренную плату, 3. учение в народных школах имеет на первый случай состоять в научении юношества грамоте, рисовать, писать, арифметике, детей же греко-российского исповедания учить катихизису для познания оснований православныя веры, толкованию десяти заповедей Божиих, для вкоренения нравоучения всеобщего, 4. во всякой школе надлежит иметь смотрение, дабы горницы были чисты и всякий день выметены, и воздух в них переменялся открытием окон летом во весь день, а зимою всякий день на короткое время, дабы дети от духоты в горницах не претерпели в здоровье своем повреждения. Учение производиться имеет всякий день, выключая воскресные и табельные дни, но не более двух часов сряду поутру, до двух часов сряду после обеда для одних детей одной науке, по середам же и по субботам после обеда дается отдохновение, 6. учителям запрещается наказывать детей телесным наказанием, 7. приказ общественного призрения имеет прилежное попечение, чтоб учителя и школы все определенное получали по всюду исправно, не радивых же и не исправных учителей, по рассмотрению жалоб, сменяет и определяет на место их радетельных и исправных». Но лишь в 1780 году успех австрийской образовательной реформы (подробности которой ей изложил Император Иосиф II во время личного свидания в Могилеве) побудил Императрицу приступить к составлению аналогичных проектов, основной целью которых была поддержка слабого третьего сословия, и к воплощению задуманного несколько лет тому назад. Из Австрии был командирован талантливый педагог и школьный администратор, директор иллирийских училищ Ф. И. Янкович де Мириево. В самом начале осени 1782 г. он прибыл в столицу, и 7 сентября того же года Высочайшим указом была создана комиссия под председательством сенатора П. В. Завадовского, членами которой стали акад. Ф. Эпинус и тайный советник П. С. Пастухов. Лишь в 1787 г. Янкович был назначен действительным членом комиссии, хотя основную часть экспертной работы исполнял именно он. Уже 21 сентября «План к установлению народных училищ в Российской Империи» был поднесен при докладе; через несколько дней он был утвержден; в первый год удалось подготовить учебные книги для первых двух классов, но дальнейшая работа в этом направлении затянулась вплоть до начала XIX в. Принятый Императрицей вариант австрийской реформы (на внедрении которой без изменений настаивал акад. Ф. Эпинус) предполагал трехчленную систему: *земские* школы (чтение, письмо, Закон Божий, нравоучение); *городовые* школы (то же + геометрия, механика, архитектура, учение естества и

естественная история, история, география, земля и домоводство, немецкий, латинский и греческий языки); средние школы (те же предметы углубленно, кроме греческого языка, и «учение учителей»); кроме немецкого и греческого языка, все соответствовало оригиналу. Однако комиссия разработала несколько иной вариант: *малые* двухклассные училища, *средние* трехклассные и *главные*, причем, в отличие от образца, первые две ступени были последовательными, а не параллельными. Но Устав 1786 г. уже не упоминает о среднем училище. В 1783 г. Янкович учредил первое Главное народное училище с Учительской семинарией; в 1786 и 1788 гг. оно дало выпуски по 100 учителей; на эти годы приходится массовое открытие Главных народных училищ в губернских городах Империи. В теории (и как оно действительно было в Австрии) эти школы были предназначены для всего населения; на деле сельские жители не получили возможности воспользоваться плодами реформы. Курс малого двухлетнего училища включал в себя чтение, письмо, арифметику, сокращенный и пространный катехизис, священную историю и толкование правил для учащегося и «Книги о должностях человека и гражданина» (что отвечало педагогическим тенденциям эпохи). Целью этого предмета было «напоить душу нашу добродетелию, пещись надлежащим образом о теле нашем, исполнять общественные должности, на которые мы от Бога определены, знать правила хозяйства». Курс старших классов — главного училища — включал Закон Божий, русский язык, арифметику, латинский и «соседственный» языки (на юге предполагалось изучать греческий, на востоке — арабский и китайский; эти масштабные планы не осуществились), географию общую и русскую, историю общую и русскую, естественную историю, геометрию, архитектуру, механику и физику. Изучение французского языка было предоставлено домашнему воспитанию. (На практике, конечно, именно языковое образование удавалось в таких училищах меньше всего.) Учебные пособия были, как правило, переводные; оригиналами австрийская администрация щедро снабдила своих русских коллег. Пособия по Закону Божию просматривались пользовавшимся доверием Государыни Новгородским архиепископом Гавриилом. Что касается педагогических принципов, было решено воспользоваться разработанной на австрийской почве методой, широко применявшейся и прусским правительством Фридриха II, которая «а) в совокупном наставлении, б) в начальных буквах, в) в совокупном чтении, г) в оглавлении и д) в вопрошении состоит». В «Руководстве учителям» было сказано: «Стараться более учителя должны об образовании и изошрении разума учеников, нежели о пополнении и упражнении памяти; для изучения наизусть определяются токмо: символ веры, молитва Господня, десять заповедей Божиих, молитвы прежде и после обеда, молитвы на сон грядущих и от сна восставших. Начинать при учении всегда следует с легкого и идти потом к трудному; опрашивать учеников не всегда сряду, но попеременно, однако же лучших всегда наперед, потом посредственных и наконец слабых. Ученики должны отвечать не „да“ и „нет“, но полною речью; лучше, если они отвечают исправно своими словами, нежели теми же самыми, какие находятся в книге, ибо из того видеть можно, что они дело понимают». Само учреждение училищ осуществлялось в несколько этапов, по мере созревания предпосылок: 22 сентября 1786 г., в день коронации Императрицы, были открыты Главные народные училища в 25 губерниях (Новгородская, Тверская, Олонецкая, Архангельская, Псковская, Калужская, Орловская, Курская, Ярославская, Вологодская, Владимирская, Костромская, Нижегородская, Пензенская, Казанская, Вятская, Симбирская, Саратовская, Воронежская, Рязанская, Тамбовская, Пермская, Московская), в 1788 г. — в Астраханской и Черкасской губерниях, а в следующем году — в остальных (Выборгская, Ревельская, Рижская, Полоцкая, Могилевская, Новгород-Северская, Черниговская, Киевская, Харьковская, Кавказская, Уфимская, Кольванская, Тобольская и Иркутская. В 1792 г. — в новоприсоединенных Екатеринославском наместничестве и Таврической области). Интересные подробности открытия торжества открытия в Тамбове содержатся в «Записках» Г. Р. Державина. Слабым местом

реформы (не замедлившим отрицательно сказаться на ходе преподавания) было двойное подчинение училищ: как уже было сказано, в губерниях молодежь — наряду с буйнопомешанными и колодниками — находилась в ведении Приказов общественного призрения, подчиненных губернаторам, а в столице о ее нуждах пеклась Комиссия об учреждении училищ, — прообраз будущего Министерства народного просвещения — орган, лишенный возможности контролировать местную гражданскую власть. Естественно, новооткрытые училища скоро — и весьма болезненно — столкнулись с проблемами нехватки преподавательского состава, формировавшегося, как это и можно было ожидать, в основном из юношей духовного сословия, обучавшихся в семинариях и академиях. Содержание наставников было весьма недостаточным (от 400 рублей для учителей старших классов главного училища до 60 рублей преподавателям рисования в малых), и среди наиболее квалифицированных педагогов было велико желание поступить на государственную или иную более доходную службу. Точно так же трудно было набрать и учеников. Всесословность начальной школы была сильным препятствием к ее наполнению: дворянство опасалось общения своих детей с отпрысками «подлых сословий», порчи добрых нравов и воспитания, купечество не чувствовало еще потребности в образованности. Лучше обстояли дела в западных школах. В целом же реформа оказалась непоследовательной. Признаками непродуманности общего плана были невнимание к финансовой стороне дела, двойное подчинение и неоправданный расчет на местные источники. Однако она была необходимым этапом в создании массовых образовательных учреждений России и послужила стартовой площадкой для создания системы гимназий при Александре I.

II. *Военные учебные заведения.* Школа математических и навигацких наук, открытая в Москве в январе 1701 г., до 1706 находилась в ведении Оружейной палаты, затем была подчинена Приказу морского флота и Адмиралтейской канцелярии. Первыми ее учителями были англичане Фарварсон, Гвйн и Грейс, затем — Л. Ф. Магницкий (автор знаменитой «Арифметики» (М., 1703). Учебный курс включал в себя русскую грамоту, арифметику, геометрию и тригонометрию, с практическими приложениями к геодезии и мореплаванью, «рапирную науку». Представители низших сословий изучали лишь грамоту и счет и определялись в писаря и канцелярские служители; дворяне, проходившие полный курс, — во флот, в инженеры, в артиллерию. В 1715 г. она была превращена в подготовительное учебное заведение для Морской академии. В 1721 г. создана школа при лабораторном доме в Петербурге на 30 чел., для обучения состоявших уже на службе артиллеристов. В петербургской Инженерной школе учился А. В. Тучков; его сын вспоминал: «Там ничему не учили как только простой геометрии... фортификации и артиллерийскому искусству, прочие же науки, входящие в начертание общественного воспитания, равно как и иностранные языки, вовсе не преподавались...». Обучение было суровым: за леность и проступки ученики военных учебных заведений подвергались суду и наказаниям наравне с нижними воинскими чинами; иногда школьников, проживавших на частных квартирах, судили за буйство и разбой на улицах и укрывательство беглых крепостных; зафиксированы такие приговоры военного суда, как «прогнав шпицрутенами через полк шесть раз, написать в инженерные ученики для выслуги», или «бить при собрании инженерных учеников розгами». Таковые, впрочем, применялись к ученикам не только без всякого суда, но по личному усмотрению школьного кондуктора; бывали даже случаи, когда малолетних учеников за частые побеги вразумляли розгами, плетью, кошками и заковывали в кандалы. В соответствии с петровской практикой функцию подготовки пехотных офицеров (где не требовались специальные углубленные знания) брала на себя гвардия. Однако выслужившиеся из нижних чинов офицеры часто отличались грубостью нравов и невежеством, и потому довольно рано встал вопрос о создании специального учебного заведения для их подготовки. Инициатором был П. И. Ягужинский, советовавший создать училище по прусскому образцу (Кадетский корпус в Берлине). Эту инициативу поддержал фельдмаршал И. Б. Миних. 29.07.1731 г.

состоялся указ Сенату: «Хотя вечнодостойныя памяти Дядя наш, Государь Петр Великий, Император, неуспынными своими трудами воинское дело в такое уже совершенное состояние привел, что оружие Российское действия свои всему свету храбростию и искусством показало... и воинское дело по ныне еще в настоящем добром порядке содержится; однакож, чтоб такое славное и Государству зело потребное дело наивышше в искусстве производилось, весьма нужно, дабы шляхетство от младых лет к тому в теории обучены, а потом и в практику годны были; того ради указали Мы: учредить Корпус кадетов, состоящий из 200 человек шляхетских детей, от 13-ти до 18-ти лет» (ПСЗ VIII, 5811). С самого начала корпус не предполагался узкоспециальным учебным заведением: «А понеже не каждого человека природа к одному воинскому склонна, тако-ж и в Государстве не меньше нужно политическое и гражданское обучение: того ради иметь при этом учителей чужестранных языков, истории, географии, юриспруденции, танцованья, музыки и прочих полезных наук, дабы, видя природную склонность, по тому-б и к учению определять». В ноябре был составлен устав Корпуса. Он предполагал 4 класса обучения (5–6 лет); принимались только дворяне, уже обученные грамоте. В корпусе предполагалось преподавать языки русский, немецкий, французский и латинский (последний для желающих; громадное большинство выбрало немецкий язык), чистописание, грамматику, риторику, мораль, геральдику; танцевание, вольтижирование и солдатскую экзерцицию. Штат предполагал расходы на корпус в 33.896 р. в год с единовременным отпуском 15.000 руб. К моменту открытия — 17.2.1732 г. — Корпус насчитывал 56 воспитанников. Через месяц их было уже 300. К 12 мая был составлен новый штат на 360 человек и 63.403 р. ежегодно. В 1743 г. Корпус наименован сухопутным. В 1760 году составлен штат на 490 кадет, с отпуском 89.000 р.; уже скоро он был еще раз увеличен — на 600 учеников и 127.000 р. (1762 г.). Корпусом руководил главный директор, игравший роль покровителя, схожей с таковой же куратора в университетах; первым был сам И. Б. Миних; в 1762 г. эту должность занял И. И. Шувалов; непосредственным руководством занимался директор (в 1731 г. на эту должность был назначен барон Люберас). Среди наиболее выдающихся учеников Корпуса были знаменитые поэты А. П. Сумароков и М. М. Херасков; велика его роль в создании русского театра при Императрице Елизавете. При Екатерине II Корпус подвергся преобразованиям под влиянием просветительских идей Локка; И. И. Бецкий предполагал сделать его пробной площадкой для создания нового поколения людей, свободного от пороков прежнего общества; потому предполагалась строжайшая изоляция кадет от их родителей. 11.9.1766 г. был издан Устав, согласно которому курс был разделен на 5 возрастов: 5/6–9 лет, 9–12, 12–15, 15–18, 18–21 год. Программа отличалась многопредметностью и включала логику, математику, красноречие, историю священную и светскую, «языки употребительные и для наук потребные», механику, нравоучение, естествознание, экономику государственную, генеральную и экспериментальную физику, астрономию, военное искусство, фортификацию и артиллерию, а также рисование, живопись, музыку, танцевание, фехтование. Телесные наказания были запрещены. Энциклопедический курс предполагал подготовку дворян для управления как по военной, так и по гражданской части; попытки создать «новую породу» немедленно доказали свою полную несостоятельность. Среди руководителей Корпуса екатерининской эпохи наиболее выдающимся педагогом был гр. Ф. Е. Ангальт; подробный рассказ о кадетском корпусе под его управлением содержится в «Записках» С. Н. Глинки. В 1794–97 гг. директором Корпуса был М. И. Голенищев-Кутузов; из числа его учеников надо отметить К. Ф. Толя, который впоследствии стал влиятельным помощником великого полководца.

III. *Духовные школы.* 1) *Киевская академия* — образец русских духовных школ — состояла из восьми классов: шести низших (*аналогия* или *фара*, подготовительный, где обучали только читать и писать — правда, на трех языках, латинском, греческом и русском, *инфима*, или низший, *грамматика*, *синтаксима* — эти два посвящались

грамматике (соответственно морфологии и синтаксису) трех языков, катехизису, арифметике и музыке, *пштика* и *риторика*) и двух высших (*философия* вместе с геометрией и астрономией и *богословие* с гомилетикой). Это распределение наук с незначительными изменениями, вызываемыми естественным усложнением школьной жизни, сохранится на протяжении всего столетия. Определенным образом реформировать его собирался Феофан Прокопович, вводя в «Духовный Регламент» такой «чин учения»: 1) грамматика с географией и историей; 2) арифметика с геометрией; 3) логика и диалектика; 4) риторика купно или раздельно со стихотворным учением; 5) физика с краткой метафизикой; 6) политика краткая Пуффендорфова, «аще она потребна судится быть», и 7) богословие (двухлетний курс, в отличие от предшествующих). Эти педагогические новации, разбивающие на части строгий и единый философский курс и вводящие такой модный, но чуждый церковной школе предмет, как «политика», не привились, и все вернулось к старой испытанной схеме; по традиции, управлял семинарией ректор — настоятель монастыря, при котором она существовала, и преподаватель богословских классов; вторым лицом был префект, которому поручалось руководство философскими классами. Преподавание латинского языка традиционно стояло на большой высоте; он изучался как язык разговорный и письменный, и по семинарскому обычаю ученики должны были общаться на латыни, прибегая к русским словам лишь там, где без них не могли обойтись; постепенно таких случаев становилось все меньше. Однако этот вариант латыни был достаточно далек от классических образцов; широкое знакомство с литературой древнего мира также не предполагалось. Важными фигурами на занятиях были аудиторы (назначаемые из лучших учеников, они проверяли исполнение домашних заданий у остальных); таким образом, учителю оставалось объяснение материала и руководство. Во всех классах, кроме высших, производились экзамены; уделом философов и богословов становились диспуты и сочинение пробных проповедей. 2) *Славяно-Греко-Латинская академия*. В 1685–1700 гг., в эпоху преподавания рекомендованных Иерусалимским патриархом Досифеем Лихудов, она называлась Еллино-Греческой академией; в 1700–1775 гг. Латинской или Славяно-Латинской академией; в 1775–1814 гг. Славяно-Греко-Латинской академией. Первыми учениками Академии были питомцы типографского училища: Ф. Поликарпов, А. Барсов, Н. Семенов-Головин, Ф. Аггеев и И. Афанасьев; чудовский монах Иов и иеродиакон Богоявленского монастыря Палладий Роговский. Лихуды развернули бурную деятельность: их литературные произведения многообразны, не последнее место занимают учебные пособия. Основным языком преподавания был греческий. Досифей, по личным причинам возненавидевший своих бывших протезе, жаловался на них и обвинял их, в частности, в том, что они, вместо того чтобы преподавать грамматику, «забавляются около физики и философии». В 1794 г. Лихуды были отрешены от преподавания. Их место заступают ученики Н. Семенов и Ф. Поликарпов (1694–1699). Латинский язык по настоянию Патриарха Иерусалимского был изгнан из Академии. Первым ректором Академии был сделан Палладий Роговский (1700–1703 гг.). В 1701 г. протектором Академии стал Стефан Яворский. Указ Петра от 7.7.1701 г. гласил: «завезть в Академии учения латинские». Преподавание греческого языка после Лихудов в Академии приходит в упадок и переводится в Типографское училище (1722 г.); лишь в 1738 г. оно вводится вновь, а в сороковых годах типографская школа соединена с латинскими. Происходит переориентация на схоластический Киев; в преподавании философии основным авторитетом служит Аристотель. К середине века сказывается влияние Бэкона, Декарта, Лейбница и Вольфа. Большинство преподавателей — монахи. При Анне академия, предназначенная в основном для духовного сословия, пополнилась многими дворянскими недорослями (в т. ч. князья Оболенские, Прозоровские, Хилковы, Хованские, Голицыны, Долгорукие, Мещерские и др.). Число ее учеников колеблется от 200 до 600. Трудность курса вызывает его продолжительность: ученик Константинов в фаре сидел с 1737 по 1742 г.; Чепелев с

1736 по 1750 дошел только до философии. В 1735 г. ректор Стефан донес Св. Синоду: «не многие доходят до Богословия; ибо инии посылаемы бывают в Санктпетербург для обучения ориентальных диалектов и для камчадальской экспедиции, инии в Астрахань для наставления калмыков и их языка познания, инии в сибирскую губернию с Действительным Штатским советником Василием Татищевым... инии же берутся и в московскую типографию и в монетную контору, мнози же и бегают, которых и сыскать не возможно; еще же суть, что и по разным приказам принимаются, а искомии укрываются, а от других вопрошены, для чего бегают, говорят, искать де хлеба и места за времени, понеже де мало видим таких, котории по совершении течения наук своих угодное какое пристанище получают...» Среди учеников Академии — такие фигуры, как В. И. Баженов, А. Д. Кантемир, Е. И. Костров, А. А. Барсов, С. П. Крашенинников, В. П. Петров, Н. Н. Поповский. Расцвет академии связан с именем митрополит Платона Левшина, вникавшего во все мелочи управления и добившегося от Синода права непосредственного контроля над Академией. При нем было усилено преподавание греческого, введено изучение новых и еврейского языка. Он добавил в академический курс следующие предметы: герменевтику, церковную и гражданскую историю, пасхалию, физику, историю философии, мифологию и медицину (последнюю уже в 1802 г.). Число учеников возросло до 1600. Прекратились побег учеников; исключения, напротив, участились. В поэтике перевес дан русскому стихотворству; инфиму переименовали в информаторию. Академия испытала на себе влияние методики и учебных пособий, принятых для народных училищ, и стала исключительно духовным учебным заведением. Диспуты стали проводиться чаще (приватные еженедельно по субботам; публичные — три раза в год). Была установлена тесная связь с университетом и его Филологической семинарией. 3) *Санкт-Петербургская духовная академия*. 11.7.1721 г. указом архиепископа Велико-новгородского и архимандрита Александроневого монастыря Феодосия было предписано «учредить в общую пользу при Александроневском монастыре, для обучения юных детей чтению и писанию, Словенскую школу, в которой как того монастыря служительских детей, так и сирот, не имеющих родителей и своего пропитания и посторонних, кто кого отдать похочет, принимая от 5 до 13 лет, учить словенского чтения и писания по новопечатным букварям». Предметы преподавания были следующие: азбука, письмо, арифметика, псалтырь, грамматика и толкование евангельских блаженств. Первые учителя Словенской школы — Иродион Тихонов, с 1723 г. Андрей Тишин (преподававший также греческий язык для желающих) и келейный иеромонах Вениамин (обучал арифметике старших школьников). Первоначально в лавре учились 26 человек; в 1722 г. — 53, 1723-м — 62, 1725-м — 82, большая часть — дети канцелярских чиновников и монастырских служителей. Архимандрит Петр Смелич по Высочайшему повелению от 10.11.1725 ввел преподавание греческого и латинского языков. В 1729–1733 гг. школа осталась без учителей. Наставником юношества стал датчанин Адам Селлий, принявший незадолго до смерти крещение (Николай) и постриг (Никодим); он взял на себя преподавание латинского языка (1734–1737 гг.). В 1736 г. лавру возглавляет архимандрит Стефан Калиновский, бывший ректор Московской академии. Он пригласил бывших собственных студентов, замечательных ученостью: Григория Федоровича Кременецкого (с 1740 г. — ректор семинарии) и Андрея Степановича Зертис-Каменского (на должность префекта; оба прошли Киев и Москву; иеромонахи Гавриил и Амвросий; второй впоследствии стал архиепископом Московским и погиб от руки мятежников во время чумного бунта). Постепенно в семинарии сложился полный курс: к 1740 г. старшие воспитанники дошли до риторики. На проповедях и диспутах присутствовала сама Императрица Елизавета Петровна с наследником в. кн. Петром Федоровичем. Семинария прочно встала на ноги; уровень преподавания в ней был традиционно высок. Из преподавателей более позднего периода упоминается заслуживает М. М. Сперанский (в 1795–1796 гг. префект семинарии, автор нескольких учебных пособий, в т. ч. «Правила высшего

красноречия»). 18.12.1797 Павел даровал Александроневской семинарии права академии (как и Казанской семинарии). Синод по этому поводу принял определение: «Для усовершенствования в науках присылать отныне понятнейших из семинарий учеников в показанные четыре академии; 2) в академиях, кроме общих всем семинариям предметов, преподавать особые, а именно: полную систему философии и богословия, высшее красноречие, физику и языки: еврейский, греческий, немецкий и французский; 3) Полные системы философии и богословия, преподавая на языке латинском, оканчивать: философскую в два года, а богословскую, в рассуждении многих ее предметов, в три года... 4) В философском классе преподавать краткую историю философии, логику, метафизику, нравоведение, натуральную историю и физику... в богословском же — краткую церковную историю, с показанием главных эпох, герменевтику, систему догматико-полемической и нравственной богословии и пасхалию; сверх того — читать Св. Писание, с объяснением труднейших мест, да книги: Кормчую и О должностях приходского священника... 5) В классе высшего красноречия читать учителю лучших авторов на латинском и русском языках, делая оным резолюции логические и риторические и по тем резолюциям заставлять студентов сочинять имитации».

IV. *Домашнее воспитание.* Правительство смотрит на него недоверчиво: еще в академической привилегии 1682 г. оно было запрещено. На Александроневскую лавру в 20-х гг. XVIII в. возлагают контроль над домашним воспитанием. Одним из мотивов создания университета в Москве является борьба с гувернерами (само слово получило распространение именно при Елизавете Петровне): в Высочайше одобренном проекте об основании университета стоит: «Все же почти помещики... принимают таких, которые лакеями, парикмахерами и другими подобными ремеслами всю жизнь свою препровождали». 5.5.1757 Императрица подписывает Указ об испытании иностранных учителей в Академии Наук и Университете; впоследствии, когда А. В. Тучков хотел найти для своего сына учителя, который согласился бы выдержать экзамен в Академии, он сделал это с большим трудом. От правительства не отставало и сообщество ученых и литераторов: еще В. Н. Татищев в диалоге «Разговор двух приятелей о пользе науки и училищах» приводит аргументы против домашнего воспитания: «Многие за недостатком искусства принимают учителей к научению весьма неспособных, и случается, что поворотов, лакеев... и каких-либо непотребных волочаг для научения благонравия и политики принимают». Профессор И. М. Шаден писал: «Хотя частным воспитанием и не должно пренебрегать совершенно... поскольку дети принадлежат не столько родителям, сколько обществу, которому некогда они должны будут служить, чтобы снискать себе истинное благополучие, то — да простят меня родители — я не могу не предпочесть публичное воспитание частному». Литераторы пойдут еще дальше: фигура невежественного парикмахера, а то и беглеца из Бастилии, которому доверено воспитание русских детей, будет занимать Д. И. Фонвизина, Н. И. Новикова, И. А. Крылова. А. Н. Нахимов сочиняет целый пародийный эпос «Пурсониаду» о такой фигуре и в одной из сатир клеймит соотечественников: «На что им с предков брать похвальнойший пример? Французов мало ли сорвавшихся с галер?». До нас дошло множество анекдотов о невежестве преподавателей. Тем не менее они долго сохраняют популярность. Обычно воспитание юного дворянина начинается дома; русская грамота и арифметика вверяются дьячку ближайшей церкви, который учит юношу по обычаям семинарии; нередко богатые помещики приглашают к себе детей недостаточных соседей, и таким образом дома возникает маленькая школа. После этого сурового курса освоившим Часослов и Псалтырь, а также начатки арифметики юношам предстоит знакомство с гувернером-иностранцем; прежде всего это французы, реже немцы. Особенно высоко ценились швейцарские преподаватели, могущие обучать обоим языкам. Их поприще — языки, история, география; иногда математика. Иногда домашний учитель делает замечательную научную карьеру: И. А. Гейм, начавший ее в семействе Лопухиных, впоследствии стал ректором Московского

университета. Серьезный перелом в качестве преподавания происходит в эпоху французской революции: «поколение парикмахеров» сменяется «поколением аббатов», людей высокопросвещенных; прежние гувернеры вынуждены покидать теплые места в столице и искать себе пристанища в провинции. Так, аббат Сюррюг, принципал коллежа в Тулузе, стал учителем в семействе Мусиных-Пушкиных; аббат де Билли преподавал у кн. Петра Одоевского, Дюрон — у гр. Дмитриева-Мамонова. Есть и более причудливые истории: П. А. Строганова в конце XVIII в. учил фанатик-революционер Жильбер Ромм, показавший своему ученику логовище якобинцев в Париже. Однако картина будет неполной, если не вспомнить о благотворных примерах домашнего воспитания; превосходные результаты, по свидетельству Манштейна, приносила работа пленных шведов, поступивших учителями во многие знатные дома; блестящее образование получил дома кн. И. М. Долгорукий; Г.-В. Рихман, впоследствии ставший профессором и погибший во время эксперимента от удара молнии, был домашним учителем гр. Ф. А. Остермана, которому он в момент жесточайшей служебной катастрофы, постигшей его отца, посвятил немецкий перевод «Опыта о человеке» Поупа; это был пример выдающегося гражданского мужества.

V. *Заграничное образование.* Впервые русские студенты были посланы за границу для учебы Царем Борисом Годуновым; из-за смутного времени ни один из них не вернулся. В XVII веке случаи обучения за рубежом среди великороссов чрезвычайно редки; зато монахи Юго-Западной Руси часто принимали католичество, чтобы окончить курс в том или ином коллегииуме Польши, Италии или Франции, и приносили покаяние в своем отступничестве, возвратившись на родину; такие страницы есть в карьере Стефана Яворского и Феофана Прокоповича. Распространенным явлением становится стажировка за границей со времен Петра I; подробно она описывается в «Записках» И. И. Неплюева. При Анне начинаются научные стажировки в высших учебных заведениях; В. К. Тредьяковский учился в Коллеже четырех наций и в Сорбонне (Париж), слушал лекции Роллена, М. В. Ломоносов — в Марбурге у Х. Вольфа. При возникновении Московского университета это становится неременным элементом подготовки профессоров из природных россиян. За границей же обучаются дворяне для службы по дипломатическому ведомству. Примерно с эпохи Екатерины II заграничное путешествие рассматривается как венец образования состоятельного дворянина, который начал свой учебный курс дома и продолжил его в одном из средних учебных заведений Империи; И. И. Бецкий писал в инструкции для знатного молодого путешественника: «Как вам известно, что всякое путешествие в чужих краях должно иметь себе предметом просвещение, приобретаемое познанием света, то есть людей, разностью климатов и правления до бесконечности отличаемых; их нравов, обычаев, великолепных остатков их минувшей славы, и чем ныне они славятся; их образа правительства и следствий оногo... их успехов в науках и художествах... и словом всего что достойно похвалы и подражания, и даже и того, что подвержено осуждению, для избежания оногo». Впоследствии — на рубеже XVIII–XIX веков — возникла реакция против этой разновидности образования.

Избранная библиография:

Naumant Émile. La culture française en Russie (1700–1900). 2 éd. rev. et corr. Paris, 1913.
Бахрушин С. В. Московский университет в XVIII в. В кн.: Ученые записки МГУ. Выпуск L. История. М., 1940. Булгаков Макарий. История Киевской академии. СПб., 1843. Воробьев Ю. К. Латинский язык в русской культуре XVII–XVIII веков. Саранск, 1999 (с библи.). Голубев С. Киевская Академия в конце XVII и в начале XVIII столетий. Киев, 1901. Каптерев Н. О греко-латинских школах в Москве в XVII веке до открытия Славяно-Греко-Латинской Академии. М., 1889. Лавровский Н. А. О педагогическом значении Императрицы Екатерины Великой. Харьков, 1856. Лебедев А. С. Харьковский коллегииум как просветительный центр Слободской Украины до учреждения Харьковского университета. М., 1886. Лихачева Е. О. Материалы для

истории женского образования в России. СПб., т. I, 1890, т. II, 1893. Любжин А. И. Харьковский коллегиум в XVIII и начале XIX столетия. Лицейское и гимназическое образование № 6, 1998, 19–24; № 1, 1999, 17–27 (с библиографией). Лядов В. Н. Исторический очерк столетней жизни Императорского Воспитательного общества благородных девиц и Санкт-Петербургского Александровского училища, СПб., 1864. Материалы для истории учебных реформ в России в XVIII–XIX веках. Сост. С. В. Рождественский при участии В. Г. Соломина и П. П. Тодорского. СПб., 1910. Пекарский П. Наука и литература в России при Петре Великом. СПб., 1862. Рождественский С. В. Из истории учебных реформ Императрицы Екатерины II. СПб., 1909. Он же. Очерки по истории систем народного просвещения в России в XVIII–XIX веках. Т. I. СПб., 1912. Сборник материалов для истории просвещения в России, извлеченных из Архива Министерства народного просвещения. Том I. Учебные заведения в западных губерниях до учреждения Виленского учебного округа. 1783–1803 гг. СПб., 1893. Смирнов С. История Московской Славяно-греко-латинской академии, М., 1855. Соболевский А. И. Образованность Московской Руси XV–XVII вв. СПб., 1892. Страхов П. И. Краткая история Академической гимназии, бывшей при Императорском Московском университете. В кн.: В воспоминание 12-го января 1755 года. Учено-литературные статьи профессоров и преподавателей Императорского Московского университета, изданные по случаю его столетнего юбилея. М., 1855. Сухомлинов М. И. Ф.-Ц. Лагарп, воспитатель императора Александра I. В кн.: М. И. Сухомлинов. Исследования и статьи по русской литературе и просвещению. Т. II, СПб., 1889. Сушков Н. Воспоминания о Московском Университетском Благородном Пансионе. Издание Императорского Общества Истории и Древностей Российских. М., 1848. 2-е изд.: Сушков Н. В. Московский университетский Благородный пансион и воспитанники Московского университета, гимназий его, Университетского Благородного пансиона и дружеского общества. Изд. испр. и дополн. М., 1858. Толстой Д. А. Академическая гимназия в XVIII столетии, по рукописным документам архива Академии Наук. СПб., 1885. Он же. Академический университет в XVIII столетии, по рукописным документам архива Академии Наук. СПб., 1885. Он же. Взгляд на учебную часть в России в XVIII столетии до 1782 года. СПб., 1883. Он же. Городские училища в царствование Екатерины II. СПб., 1886. Университет для России. Взгляд на историю культуры XVIII столетия. Отредактировано В. В. Пономаревой и Л. Б. Хорошиловой. М., 1998 (с библиографией). Флоровский А. В. Латинские школы в России в эпоху Петра I. В кн.: XVIII век. Сборник 5. М.-Л., 1962, с. 316–335. Чистович И. История С.-Петербургской духовной академии. СПб., 1857. Шевырев С. П. История Императорского Московского университета, написанная к столетнему его юбилею. 1755–1855. М., 1855, 1998 (репринт с именным указателем). Шишкова Э. Е. Московский университетский благородный пансион. 1776–1831. Вестник Московского университета, 1979. Сер. 8. История. № 6. С. 70–83. Шпет Г. Г. Очерк развития русской философии. В кн.: Сочинения. М., 1989.